

РОССИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ:

МАТЕРИАЛЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО КРУГЛОГО СТОЛА

Подготовили к публикации (сост. и ред.):

С.Р. Аблеев, П.П. Марченя

Авторский коллектив:

***С.Р. Аблеев, П.П. Марченя,
В.В. Бабашкин, В.Ю. Бельский, А.А. Васечко,
Н.В. Галанина, В.В. Горохова, Н.Н. Гусев, Н.В. Елисеева,
А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская, И.А. Кушнарченко,
И.В. Лягушкин, Н.Ф. Медушевская, А.В. Митин,
С.В. Михалев, Л.Г. Орчакова, О.В. Париков,
И.В. Полозова, С.С. Пылев, Н.В. Стрелкова,
И.А. Треушников, Т.Н. Фролова, И.Б. Чернова,
Г.В. Шашурина, Д.В. Шикун, К.С. Щелоков***

19 февраля 2021 г., под эгидой Московского евразийского клуба Российского философского общества (Московское областное отделение), Московского отделения Российского философского общества и в рамках постоянно действующего при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» (с результатами работы которого можно ознакомиться, в частности, по материалам ежегодных сборников научных трудов «Философские исследования

и современность») состоялся межведомственный (с участием представителей Московского городского педагогического университета, Российского государственного гуманитарного университета, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, Нижегородской академии МВД России и научного проекта «Народ и власть») круглый стол на тему «Россия и глобальный кризис современности».

На этом Столе получили дальнейшее развитие дискуссии, начатые на предыдущих круглых столах этого же семинара: «Общественное правовое сознание и отечественная философская традиция в контексте проблем духовного суверенитета России» (апрель 2016 г.), «Кризис как фактор социального развития» (октябрь 2016 г.), «Цивилизационный суверенитет России: проблемы и перспективы» (ноябрь 2016 г.), «Столетие Русской революции в контексте проблем социальной стабильности и безопасности» (январь 2017 г.), «Фундаментальные ценности России и Запада: аксиологическое измерение столкновения цивилизаций в XXI веке» (февраль 2017 г.), «Массовое сознание в системе взаимодействия власти и общества» (март 2017 г.), «Цивилизационный суверенитет России: глобальные угрозы и стратегические перспективы» (октябрь 2017 г.), «Общественные трансформации и цивилизационная идентичность России» (ноябрь 2017 г.), «Наука и образование перед вызовами современного россиеведения» (апрель 2019 г.), «Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России» (февраль 2020 г.).

С опубликованными материалами всех этих дискуссий в сжатом виде можно ознакомиться в режиме свободного доступа в Сети Интернет, в коллекции публикаций научного проекта «Народ и власть», размещенной в Открытом Архиве научной информационной системы Соционет ЦЭМИ РАН (<https://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtuvuj>).

В центре внимания участников нового Стола, в работе которого приняли участие 27 ученых (философов, историков, социологов, политологов, культурологов, филологов, юристов), находились актуальные проблемы междисциплинарного осмысления ответов российской цивилизации (прежде всего, науки и образования) на вызовы современного мира в условиях глобального системного кризиса, на фоне пандемии, дальнейшего обострения геополитического, духовно-ценностного и информационно-психологического противостояния цивилизаций и в контексте проблем сохранения цивилизационного суверенитета, культурной идентичности, социальной стабильности и национальной (общественной и государственной) безопасности России.

Материалы круглого стола «Вызовы современного мира и цивилизационный выбор России» подготовлены к публикации коллективом авторов *кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (в алфавитном порядке): С.Р. Аблеев*, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; **В.Ю. Бельский**, профессор кафедры, доктор философских наук, профессор (*председатель Бюро Московского отделения Российского философского общества*); **А.А. Васечко**, доцент кафедры, кандидат юридических наук; **Н.В. Галанина**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **В.В. Горохова**, доцент кафедры, кандидат исторических наук; **Н.Н. Гусев**, доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент; **А.Л. Золкин**, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; **И.А. Кушнарченко**, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; **И.В. Лягушкин**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **П.П. Марченя**, заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент (*автор и редактор научного проекта «Народ и власть»*); **Н.Ф. Медушевская**, профессор кафедры, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент; **А.В. Митин**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **С.В. Михалев**, доцент кафедры, кандидат философских наук; **И.В. Полозова**, профессор кафедры, доктор

философских наук; **С.С. Пылев**, профессор кафедры, кандидат философских наук, профессор; **Н.В. Стрелкова**, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **Т.Н. Фролова**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **И.Б. Чернова**, доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент; **Г.В. Шашурина**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **Д.В. Шикунов**, доцент кафедры, кандидат политических наук, доцент; **К.С. Щелоков**, старший преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием представителей *кафедры философии Нижегородской академии МВД России* (**И.А. Треушников**, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент), а также специалистов других вузов: **В.В. Бабашкин**, профессор *кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Института экономики, математики и информационных технологий Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*, доктор исторических наук, доцент; **С.И. Кузьминская**, доцент *Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*, кандидат филологических наук, доцент; **Н.В. Елисеева**, профессор *Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета*, кандидат исторических наук, профессор; **Л.Г. Орчакова**, профессор *кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета*, доктор исторических наук, доцент; **О.В. Париков**, профессор *кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия*, доктор философских наук, профессор.

П.П. Марченя. Уважаемые коллеги! Мы рады приветствовать наших гостей из других ведомств и вузов, приятно видеть новых желающих выступить, и не менее приятно, что при этом не пропадают и «старые», уже ставшие традиционными участники круглых столов нашего семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции».

Наш сегодняшний Стол, как и предыдущие, носит междисциплинарный и межведомственный характер, в нем участвуют ученые, представляющие различные социогуманитарные дисциплины (философию, историю, право, социологию, политологию, культурологию, филологию...) и разные организации (Российское философское общество, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Нижегородскую академию МВД России, Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский государственный университет правосудия, Российский государственный гуманитарный университет, Московский городской педагогический университет...).

Материалы сегодняшней дискуссии мы опубликуем в составе нашего очередного – юбилейного (10-го) выпуска сборника научных трудов «Философские исследования и современность».

А так же, как и предыдущие, эти материалы будут размещены в режиме свободного полнотекстового доступа в Сети Интернет, в Открытом архиве специализированного научно-информационном пространства Соционет, обеспечение работы которого осуществляет Центральный экономико-математический институт Российской академии наук в сотрудничестве с рядом других учреждений РАН, в коллекции публикаций научного проекта «Народ и власть» (URL: <https://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvtvj>).

Материалы этого Стола будут размещены в том же самом Открытом Архиве Соционета ЦЭМИ РАН (URL: <http://users4496447.socionet.ru/files/11.R.pdf>).

Все круглые столы нашего семинара были и остаются связаны с необходимостью комплексного осмысления ответов России, российской цивилизации (прежде всего, ее духовной сферы, науки и образования, и, разумеется, ее экспертного сообщества) на вызовы и угрозы современного глобализирующегося мира. Прошедший под знаком пандемии 2020 год принес в эти, и без того тревожные, процессы – новые, беспрецедентные, по настоящему *глобальные* перемены.

А год 2021-й продолжает убедительно демонстрировать, что перемены эти не случайны, не поверхностны и не кратковременны. Причем все меры по борьбе мирового сообщества с пандемией, тотальному развитию цифровых технологий во всех сферах и всеобщей «переформатизации» жизни и деятельности человечества не только не отменили геополитического, духовно-ценностного, информационно-психологического противостояния цивилизаций и их блоков, но, напротив, сопровождаются со стороны коллективного Запада все более наглыми акциями вмешательства в суверенные дела России и ее стратегических партнеров, попытками новых цветных революций и эскалацией мировой гибридной войны на всех ее фронтах.

Поэтому главную тему сегодняшней дискуссии мы решили обозначить так: *«Россия и глобальный кризис современности»*.

В 2016 г., на круглом столе с близким названием – «Кризис как фактор социального развития» – мы уже пытались обсуждать тот давно известный философский факт, что всякий кризис представляет, с одной стороны, обострение старых и появление новых вызовов, угроз и опасностей, но, с другой стороны, дает и новые шансы, надежды и возможности. То, что за последнее время первого стало значительно больше, заметно и без особого анализа. Но есть и второе – и оно должно стать предметом вдумчивого обсуждения. От этого зависит, каким окажется наше будущее. И будет ли оно у нас.

Итак, к обсуждению на этом круглом столе предлагается следующая *примерная* проблематика:

– *Россия в условиях глобального кризиса современного мира: новые вызовы и альтернативы.*

– *Россия между Востоком и Западом: история и современность.*

– *Пандемия и общество: проблемы и возможности.*

– *Наука и образование перед новыми мировыми и отечественными вызовами.*

– *Современная история и современная историософия России и мира.*

– *Религия и ее альтернативы в системе вызовов и ответов глобального кризиса.*

– *Мировоззренческие императивы внешней и внутренней политики современной России.*

– *Россия на фронтах гибридных войн.*

– *«Русский мир» и «оранжевые революции».*

– *Кризис и современные варианты протестного движения.*

– *Элиты и массы России в контексте проблем социокультурной идентичности и цивилизационного выбора.*

– *Традиции и новации как факторы национальной безопасности и цивилизационного суверенитета России...*

И.В. Полозова. Попробуем ответить на вопрос, в чем состоит глобальный кризис современности?

И наш ответ – в бездуховности, в замене духовных основ и ценностей техническими достижениями и благами общества потребления.

Но Россия имеет собственные духовные и цивилизационные корни, и самое время вспомнить о них в условиях глобального кризиса.

Основные вызовы современности обращены, как и прежде, на основы христианской цивилизации и направлены на их разрушение. В настоящее время основными рубежами обороны являются семья и личность, где традиционные ценности постепенно уступают напору секулярных идеологий. В большинстве западных стран на уровне государства и церкви эти позиции давно сданы. Так, слова «Рождество» и «христианство» в Евро-

пе уже давно рассматриваются как нежелательные, таковыми постепенно становятся слова «мать» и «отец». Сегодня в современной цивилизации в значительной мере осуществлен отказ от идеала многочадности, традиционной семьи и даже традиционной половой принадлежности. Следующим шагом будет уже наметившийся отказ от личности, замена ее цифрой, кодом.

Единственной альтернативой в данной ситуации является возвращение к традиционным ценностям, к крепкой государственности, к вере, многодетной семье. И в этом смысле именно Россия призвана сегодня осуществлять защиту фундаментальных ценностей.

К сожалению, и в нашей стране данные ценности нередко носят декларативный характер, идеалы общества потребления активно внедряются в жизнь общества, налицо кризис семьи. Но религиозный ренессанс в России, начавшийся в последнем десятилетии XX в., стал свидетельством того, что традиционные христианские ценности не забыты, они востребованы, они присутствуют в поле российской ментальности.

В этой связи стоит задача приобщения общества к этим ценностям, которая является весьма непростой.

Путь такого повторного приобщения к традиционным ценностям в значительной степени противоположен недавнему пути отказа от них общества, который нужно проследить и осмыслить. Важно осознать, почему общество не смогло сохранить ценности, которые определяли его жизнь на протяжении многих столетий. Но не нужно думать, что простой анализ позволит исправить ошибки. Возможно, здесь существует некая энтропия. Однако, исходя из того, что траектория развития может быть не только линейной, но также маятниковой или циклической, можно предположить, что процесс секуляризации не является единственно возможным для человечества.

Определим характер цивилизационных изменений. Они проходят по оси: «внутреннее – внешнее», «цель – средство». Можно увидеть, что, начиная с определенного момента развития европейской цивилизации (XVII–XVIII вв.), внешнее

постепенно начинает довлеть над внутренним, средство начинает доминировать над целью, и именно данную тенденцию нужно в корне переломить и преодолеть.

Таким образом, отвечая на вопрос, что может противостоять разрушению семьи и личности, мы даем ответ – традиционные ценности, которые недостаточно лишь пропагандировать. И более того, пропаганда, оторванная от духовной традиции, может дать обратный эффект. Поэтому требуется не пропаганда, но свидетельство, полноценное обращение к опыту духовной жизни человечества.

Если процесс секуляризации необратим, то традиционная семья в ближайшем будущем полностью разрушится, личность разрушится тоже, киборг является нашей реальной перспективой, тоталитарное цифровое общество – наше ближайшее будущее. Поэтому хотелось бы пожелать – приобщаться к фундаментальным ценностям, насколько это возможно, через Литургию, книжность, христианский образ жизни...

И.Б. Чернова. Действительно, в 2020 г. «эпоха перемен» поставила человечество перед новыми вызовами и показала как слабые, так и сильные стороны современного социального устройства, глобализации и научного прогресса. Человек, осмысливая уроки перенесенных испытаний, отчетливо понимает, что его возможности ограничены и перед смертью все равны.

Пусть не такие масштабные, но эпидемии и стихийные бедствия происходят в истории человечества регулярно. В древности в поисках защиты от морового поветрия, прежде всего человек обращался к религии, так как источник бедствия видел в гневных высших сил. Очевидно, что в XXI в. способы противостояния не сводятся к вычитыванию определенных молитв, но при этом роль религиозных организаций нельзя нивелировать. Предлагаю обратить внимание на то, как в нынешней сложной ситуации проявила себя Русская Православная Церковь.

Осмысление уровня опасности новой коронавирусной инфекции представителями руководства РПЦ происходило *post factum*. Изначально вопрос о закрытии храмов и монастырей

не ставился. Верующие были уверены, что храм – особое место, где любая «зараза» бессильна, что коллективное причащение Святых Христовых Тайн из единой Чаши совершенно безопасно. Священники, следуя своему пастырскому долгу, шли окормлять болящих на дому, не имея никаких средств индивидуальной защиты, кроме нательного креста. И только после того, как в нескольких монастырях начались массовые заражения монахов, и был открыт счет смертей от COVID-19 среди приходских священников, в Патриархии были приняты непопулярные, но необходимые меры, сначала ограничивавшие количество верующих на богослужении в храме, а потом и вовсе рекомендовавшие верующим приобщаться к онлайн-богослужениям или же, при отсутствии необходимых для этого технических средств, свести духовную практику к домашним молитвам.

При анализе участия РПЦ в борьбе с пандемией следует учитывать, что Российская Федерация является светским государством, и религиозные организации здесь не имеют бюджетного финансирования. Доходы храмов, особенно на периферии, формируются из пожертвований мирян. Поэтому ограничение богослужебной деятельности поставило семьи многих священников на грань выживания.

Тем не менее, социальное служение Церкви в условиях карантина активизировалось. Так, в Москве действует служба «Ангар спасения», предназначенная для заботы об особо незащищенных и уязвимых для инфекции людей – бездомных. У них нет телефонов, а часто и документов, чтобы обратиться за помощью, они не могут обеспечить себя средствами защиты и медикаментами, они не пользуются интернетом и СМИ, которые помогли бы им получить хотя бы минимальную необходимую информацию об эпидемической ситуации и новых правилах поведения.

В целом по России при поддержке РПЦ организована деятельность более 90 приютов для бездомных и 12 автобусов милосердия (мобильных пунктов помощи), количество обращений за помощью в которые с начала пандемии увеличилось много-

кратно. Верующие россияне активно участвуют в волонтерской деятельности, обеспечивая поддержку людей из групп риска независимо от их конфессиональной принадлежности. Для организации такой помощи в РПЦ открыты более 20 горячих линий. Особенностью конфессиональных горячих линий является то, что звонящие ждут помощи не только в решении бытовых или медицинских, но прежде всего психологических и духовных проблем. Целительное слово священника могут слышать даже те, кто находится в больнице в полной изоляции от внешнего мира.

Еще одним проявлением деятельного участия Церкви в противостоянии общему бедствию стало обращение духовенства к верующим, одолевшим болезнь, с призывом стать донорами плазмы, что поможет многим больным обрести здоровье. Агрегатором церковных социальных инициатив в помощь пострадавшим от пандемии стал сайт «Антивирус милосердия», наполненный примерами истинного христианского служения людям. Уверена, что и после пандемии он не потеряет своей актуальности, так как вокруг нас всегда есть те, кому нужна поддержка.

Организующие и осуществляющие социально значимую деятельность в опасных условиях клирики и миряне должны позаботиться о собственной безопасности. Ковид-диссидентство осуждается руководством РПЦ и наиболее авторитетными богословами. Если больной клирик участвует в литургии, то все присутствующие рядом с ним в храме, в том числе и люди преклонного возраста, которых в церкви много, рискуют заразиться и даже умереть. И никакая благодать при этом не учитывается. В начале апреля при участии эпидемиологов в РПЦ были разработаны рекомендации для священников, посещающих больных на дому или в больницах. Они основаны на уже существующих правилах, которым следуют медработники в инфекционных больницах.

Искреннего восхищения достойны представители духовенства, которые добровольно вошли в спецгруппу клириков, подготовленных для посещения больных коронавирусом. Руководит этой группой в столице заместитель председателя Комис-

сии по больничному служению при Епархиальном совете Москвы протоиерей Иоанн Кудрявцев, который лично провел более 150 выездов к больным, находящимся как на домашнем лечении, так и в стационарах. В Москве в настоящее время действует круглосуточный телефон для вызова священника к больному. И подобная деятельность развернута по всей стране.

Так, 26 ноября участниками онлайн-инструктажа стали 214 больничных священников. Чаще всего эту роль берут на себя монахи, тем самым защищающие семьи «белого священства» от риска потери кормильца. Епископ Орский Ириней официально запретил семейным священникам посещать инфицированных больных и, при помощи двух монахов, выполняет эту миссию сам. Председатель Синодального отдела по благотворительности епископ Пантелеимон награжден знаком отличия «За заслуги перед Москвой» за свою подвижническую заботу о самых тяжелых больных, к которым (в 70-летнем возрасте!) он регулярно ходит в «красную зону» в больнице в Коммунарке, в 52-й больнице Москвы, во временных госпиталях в ТЦ «Москва» и на ВДНХ.

Я привела лишь единичные примеры того, как общее испытание сплачивает людей, проявляет их лучшие качества, что уже в роковой 2020-й – год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне – начало приближать, будем надеяться, нашу новую победу. Они свидетельствуют о том, что у России не только два союзника – армия и флот. Третьим, неизменно верным российскому народу союзником в дни испытаний является Русская Православная Церковь...

С.С. Пылев. Уважаемые коллеги! В развитие темы защиты исконных духовных ценностей российской цивилизации и необходимости в союзе с Русской Православной Церковью противостоять разрушительному действию связанных с мировым кризисом «ценностей», глубоко чуждых русской культуре, мне хотелось бы сказать об уже ставшей доброй традицией нашего Университета и нашей кафедры – проведении Образовательных чтений.

На них кафедра философии, совместно с Управлением по работе с личным составом, Синодальным отделом по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами Московского Патриархата РПЦ, при активном участии преподавателей, курсантов, слушателей, адъюнктов и священнослужителей, рассматривает прежде всего идеологические проблемы нравственно-патриотического воспитания молодых сотрудников полицейских подразделений – как актуальные и приоритетные и в учебном, и во внеучебном процессах. И темы их говорят сами за себя: «Духовно-нравственные основы формирования личности защитника правопорядка в образовательных организациях МВД России» (2018); «Воспитание патриотизма и есть национальная идея» (2019); «За историческую память и преемственность поколений» (2020) и др.

С нескрываемым удовлетворением считаю нужным на заседании нашего круглого стола напомнить о недавно состоявшихся Чтениях «Александр Невский: Запад и Восток; историческая память народа» (секция МВД России: «Есть такая профессия – Родину защищать!»). Ибо если суммировать выступления ораторов, то можно смело их отнести к одной из тем, вынесенных сейчас на обсуждение – теме «Россия между Востоком и Западом: история и современность».

Ведь предание донесло до нас высказывание святого благоверного князя Александра Невского: *«Русские, православные, Восток отнимает тело наше, Запад отнимает душу нашу. Так защитим душу, а с телом справимся»*. Это ли не призыв из глубины веков?!

Давайте прислушиваться не к заокеанским, а к нашим историческим «учителям», подлинным, национальным.

Даже если лишь перечислить просто названия выступлений на этих Чтениях, станут понятны мотивы, цели и устремления участников («Не в силе Бог, а в Правде», «Кто с мечом к нам придет – от меча и погибнет! На том стояла и стоять будет Русская земля», «Святое дело – Родине служить!», «Духовно-нравственный смысл служения Отечеству», «Святая Русь – ис-

точник подвига народа», «Героизм – традиционная характерная черта русского человека как наивысшее проявление патриотизма», «Воинская этика и русская культура», «Историческая память как форма благодарности молодого поколения истинным патриотам Отечества», «Духовно-нравственное мировоззрение и формирование патриотической культуры молодого сотрудника органов внутренних дел» и др.). Вдумайтесь, уважаемые коллеги, в содержание проблем, поднятых на наших Чтениях, и станет ясно, что деяния и заветы великого князя Александра Невского при ближайшем рассмотрении окажутся не просто современными, а по-настоящему злободневными. И те, почти неразрешимые задачи, которые он решал в государственном строительстве более семи столетий назад, вовсе не потеряли своей актуальности сегодня, в XXI в.

Человеческая суть не меняется с годами, веками, столетиями, тысячелетиями. Зерно человеческой личности – отнюдь не в овладении современными новейшими технологиями, «девайсами» и «гаджетами», а в том вечном духовном и нравственном чувстве, что пока еще живет в каждой человеческой душе, несмотря на все усилия стремительно меняющегося мира.

«Идите и скажите всем в чужих краях, что Русь жива. Пусть без страха жалуют к нам в гости. Но если кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стоит, и стоять будет Русская земля!». Будем же помнить мы – и все, кто зарится на наше Отечество, – мудрый завет Александра Невского.

Ныне важнейшая национальная задача – вернуть историю народу. Надо выстроить единый образ России, понять, из чего он складывается, какие традиции лежат в его основе, и донести это до ума и сердца каждого, прежде всего, молодого человека.

Не нужно стесняться, мы – древний, могучий народ, потомки Александра Невского, Дмитрия Донского, Минина и Пожарского!.. И нам очень важно чтить свою историю, беречь свой национальный характер...

Н.В. Елисеева. Сегодня мы, как никогда ранее, осознаем современность мира, в котором живем. Не углубляясь в доказа-

тельство этого тезиса, обращу внимание участников нашего разговора на то обстоятельство, что для человека и общества в этой ситуации по-новому звучит вопрос, а что было до нас, в далеком и особенно в недавнем времени, нужно ли нам о нем помнить, чтобы жить дальше?

Этот вопрос выводит на рассуждения о так называемой исторической политике государств, в том числе, и российского.

Актуальность политики власти в отношении к прошлому и придание этого прошлого публичному обсуждению в нашем обществе стали очевидны уже после нескольких лет реформ, известных как «Перестройка» М.С. Горбачева (1985–1991 гг.).

Регулирование процесса переоценки советской истории тогда либо велось целенаправленно на полное «развенчание социализма», либо реформаторы этот процесс пустили на самотек, и он вышел из-под контроля власти (Здесь мы все делимся на сторонников «разрушения» СССР или его «распада»). Итог данной исторической политики (или отсутствия такой политики) хорошо известен: полному отрицанию в течение 1987–1988 гг. был подвергнут опыт государственного строительства СССР, и вся советская система пошла «вразнос».

Со всей очевидностью история с переоценкой исторического опыта предшествовавшего государственного развития продемонстрировала мощный потенциал этой «мягкой силы» в деле разрушения государственных устоев. А значит, такой потенциал применим и в деле созидания.

Экскурс в 1990-е гг., с точки зрения исторической политики власти, также показателен. Радикальные экономические реформы по западным образцам («шоковая терапия», спешная приватизация, противоречивая региональная политика и ликвидация последних атрибутов социализма – Советов) сопровождались тотальной критикой советского прошлого и практически полным отсутствием (за исключением дореволюционного российского периода истории) позитивного исторического контента. В результате в общественном сознании воспроизводились архаичные ценности, которые, в сочетании с западничеством в проведении

внутренней и внешней политики, трансформировались в гибридное историческое сознание граждан: монархизм и демократию, индивидуальный успех и коллективное (общинное) поведение, гражданские свободы и подданныческие чувства к власти.

В 2000-е гг. власть начала выстраивать политику памяти с целевой установкой на формирование национально-патриотического сознания граждан. При этом публичный дискурс по поводу исторического прошлого страны не совпадает с тем образовательным историческим материалом, на котором выстраивается социогуманитарное образование в вузах и школах, и не коррелирует с тем низким статусом, какой занимает гуманитарий-преподаватель в системе российского образования, в том числе и высшего. Так, количество часов на историю (особенно современную российскую историю) сравнительно невелико, а учебная обществоведческая литература не отвечает вызовам экспоненциально меняющегося мира.

Системной и концептуально обоснованной политики памяти в России не проводится. Она носит ситуативный характер, не учитывает глобальные вызовы перестройки мирового пространства, в идеологии которой заложен потенциал переоценок истории XX – начала XXI вв.

Российское социально-гуманитарное образование (как школьное, так и вузовское) не готовит специалистов, способных «работать» в новых исторических условиях в качестве экспертов, «программных стратегов» в области создания исторического контента и даже просто просветителей и авторитетных учителей молодежи и детей. Формализованный характер организации образования (масса нормативных документов и стандартов) превращают социогуманитарное образование (даже по сравнению с советским периодом) в продукт бюрократического творчества и не более...

В.В. Бабашкин. Год назад за этим круглым столом мы обсуждали разные проблемы, прямо или косвенно связанные с цивилизационным выбором России в современном мире. Я тогда сосредоточил внимание на том, каким хотелось бы ви-

деть учебник истории в России ближайшего будущего, ссылаясь на тот учебник, который с интересом штудировал герой фантастической повести А.В. Чайнова, попав в будущее, в «страну крестьянской утопии».

За истекший год североамериканская цивилизация умудрилась обанкротиться с таким треском, что даже самым альтернативно одаренным соотечественникам, казалось бы, должно стать понятно: *нам туда не надо*.

Пандемия, заставившая практиковать дистанционные формы обучения, дала возможность буквально прочувствовать – и преподавателям, и обучающимся, – насколько разительно эти формы отличаются от традиционных наших форм, которые в свое время позволяли с полным основанием говорить о советской образовательной системе как о лучшей в мире. Как говорится, «не было счастья – несчастье помогло».

Это, правда, не мешает Г. Грефу и другим нашим «общечеловекам» продолжать упорно продвигать идеи цифровой школы, в которой знания и умение их творчески применять как цель и задача образования подменяются так называемыми «компетенциями». Но сейчас как-то особенно ясно становится, насколько легко хозяева глобального мира смогут объяснять таким «компетентным товарищам», что «мир – это война», победа Джо Байдена – «торжество демократии», уличные беспорядки – «за правду и против лжи»...

Честно говоря, не так уж и мало нашими либералами достигнуто на этом поприще за последние более чем три десятка лет. Не хотелось бы сейчас улетать в историсофские эмпирии той правильной, «неполживой» исторической науки, которая нам сейчас очень нужна. Меня в этом плане по-прежнему вполне устраивает то, что пишет А.Г. Дугин об обреченности современной России на консервативную революцию. Убежден, что именно такая революция осуществилась в истории нашей страны приблизительно сто лет тому назад. Я датировал ее 1902–1935 гг. – то есть с момента, когда две большие черноземные губернии (Полтавская и Харьковская) единодушно и организо-

ванно (благодаря общинным органам самоуправления) поднялись на «аграрные беспорядки» против проникновения духа капитализма в крестьянское сельское хозяйство, – и до завершения в основном преобразования этого главного и самого многочисленного сектора советской экономики.

Почему эта революция была консервативной? Да потому что совершенно были правы колхозники 1930-х гг., саркастически расшифровывая ВКП (б) как «возвращение крепостного права». Народная стихия, в которую на определенном этапе стали вносить элемент организованности большевики во главе с Лениным/Сталиным, целенаправленно искореняла капитализм, рынок, товарно-денежные отношения и прочее «кулачество» в области поземельных отношений. Колхозная деревня как реинкарнация общины поставляла городу не только людей, но и соответствующие этические нормы: теперь это уже были не столько горьковские «дачники» и «мещане», банкиры, чиновники и прочие частные предприниматели, сколько «строители коммунизма» со своим моральным кодексом.

Мне не нравится хлесткая фраза о повторении трагических страниц истории в виде фарса. Не вижу я никакого трагизма в событиях 1917 г. и последующих лет в России, равно как и никакого фарса в том, что начудили «младореформаторы» в 1990-е. Логика повторяемости событий нашей новейшей истории видится мне скорее в следующем. Реформы начала 1860-х гг. не могли не породить консервативно-революционную реакцию, которая пришлась приблизительно на первую треть XX в. Реформы «святых 90-х» (как выразилась вдова Б.Н. Ельцина) с той же неотвратимостью должны стимулировать тенденции в развитии российской цивилизации к самоизоляции (о которых в последнее время много и эмоционально говорят такие политологи, как С.А. Караганов, С.Е. Кургинян, С.А. Михеев) – подальше от глобальной экономики, от ценностей «нового дивного мира».

Короче, *бегот от капитализма* – его общий *кризис*, о котором так долго говорили большевики, кажется, все же *наступил...*

Н.Н. Гусев. Хотел бы высказать несколько мыслей о глобальном кризисе в категориях системного анализа.

Прежде всего, следует отметить, что глобальный характер, то есть мировой масштаб, приобрел комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных кризисов. Это кризисы мировой системы, мировой цивилизации, мировой экономической, геополитический, экологический кризисы, кризис безопасности и другие.

В принципе, можно говорить о кризисе человечества как формы жизни, популяции, социальной общности высокого порядка.

Но главное здесь в том, что кризис носит системный характер. И он, как представляется, выявил, кроме прочих важных проблем, и недостатки современных общественных наук. В частности то, что они для описания современного мирового социума используют термины, которые имеют сомнительное отношение к реальности. По факту «мировая система» не отвечает требованиям системного метода, «мировая цивилизация» имеет собирательный характер, и умозрительно объединяет различные цивилизации в гипотетическое целое. Получается, что описывается некий «утопический» глобализм.

Если же отбросить видимое и желаемое, то в мировом обществе можно увидеть систему, но не как результат ее самоорганизации, а определенный элемент, образовавшийся внутри нее. Таковой выступает система объединившихся вокруг США государств. Она образована на основе западной цивилизации и способна действовать как единое целое по отношению к остальному миру. Для нее характерна презентация себя как форпоста прогрессивного человечества, а также претензия на мировое господство.

Рядом с этой системой действуют транснациональные корпорации с их формирующим влиянием на мировые, региональные и национальные экономические процессы, а также так называемые «цифровые гиганты», функционально охватившие весь мир. Учитывая внутреннюю логику их возникновения и существования, эффективные управляющие воздействия на

все сферы жизнедеятельности социума, можно предположить закономерное создание некоего координирующего центра и организационно-функционального воплощения нового мирового системного субъекта.

Таким образом, в глобальном пространстве станут действовать два мировых системных субъекта. И следующим событием эпохального значения может стать их объединение, которое будет контролировать мировое развитие экономически и информационно и опираться на военную мощь.

Внутренняя интеграция элементов внутри мирового системного субъекта, как открытой системы, получающей ресурсы извне, неизбежно приводит к возрастанию энтропии внешней среды. Дополнительным фактором в этом отношении выступает политика дестабилизации регионов и стран, в том числе «цветными» революциями и гибридными войнами.

Вместе с тем, маловероятно схлопывание мира за пределами обозначенных системных субъектов в энтропийном коллапсе. Уже проявил себя процесс негэнтропии. Он представлен в противостоянии навязываемому варианту глобализации, в отстаивании национально-государственных интересов, в саморазвитии локальных цивилизаций, в проявлении межцивилизационного взаимодействия по линии противостояния западной цивилизации.

Фактически, это означает складывание, как говорят политологи, многополярного мира. И этот мир не будет иметь общих системных характеристик. Он будет порождать больше вызовов и угроз, чем мир прошлого века, разделенный на две социально-экономические системы.

Таков возможный с точки зрения системного анализа один из вариантов разрешения современного глобального кризиса. И никакой конспирологии!..

Л.Г. Орчакова. Состояние современного мира, действительно, можно охарактеризовать как системный кризис. Причины этого видятся в технологической модернизации, напрямую связанной с цифровизацией; в изменениях геополитического

устройства мира; в исчерпании потенциала целого ряда экономических, политических, правовых, культурологических институтов. Главное противостояние XX в. – между США и СССР – переросло на современном этапе в метаисторический и метакультурный разлом.

Такая проблема уже затрагивалась на предыдущем круглом столе, прошедшем в 2020 г. Так, характеризуя вековые цивилизационные противоречия между Европой и Россией, С.Р. Аблеев точно подмечал, что эти пространства, основанные на различных ценностях и по-разному исторически развивающиеся, невозможно привести к общему культурно-историческому знаменателю, так как они постоянно обнаруживают значительную часть совершенно нетождественных экзистенциальных переменных (этнических, религиозных, аксиологических, экономических, политических и т.д.).

Транспонируя это на сферу образования, можно заметить, что основные концепты, которые мы видим в основе многих реформ высшего образования в России с начала 1990-х гг., взяты из зарубежных систем образования. Из наиболее значимых следует назвать: изменение системы высшего образования в соответствии с Болонской системой на двухуровневое, отказ в гуманитарном образовании от подготовки специалиста, но вместе с этим множественное дробление фундаментальной гуманитарной профессиональной подготовки на узкоспециальные направления с закреплением в законодательстве точного соответствия профилизации, указанной в дипломе и занимаемой должности. Например, преподавание юридических дисциплин невозможно без базового юридического образования. С другой стороны, к преподаванию привлекаются практики, не имеющие широкой гуманитарной подготовки, что явно снижает уровень высшего образования, как *системного*, до *компетенций ремесленника*.

Необходимо отметить и то, что при всем консерватизме образования как залога сохранения национальной системы ценности, гуманитарная подготовка должна соответствовать всем требованиям, которые предъявляются к современному челове-

ку, содержать инновационные подходы, использовать возможности цифровизации. Вместе с тем, гуманитарное образование должно носить фундаментальный и системный характер. Важным видится сохранение российской системы образования, имеющей исторические корни и особенности...

И.А. Треушников. Уважаемые коллеги! Проблематика, которую мы обсуждаем в ходе данного круглого стола, обладает несомненной актуальностью, хотя и не является новой для отечественной философской и общественной мысли. Современный глобальный кризис, вне всякого сомнения, накладывает свой отпечаток на все сферы жизни общества, однако, на наш взгляд, системообразующая для русской философии тема остается в сущности прежней. Россия, как и прежде, стоит перед альтернативой «Запада» и «Востока».

Сам факт осмысления этой антиномии в отечественной истории и культуре вызвал к жизни собственно русскую философию (мы понимаем под ней, прежде всего, русскую религиозную философскую мысль) и привел к ее расцвету на рубеже XIX–XX столетий. Это отмечали в своих трудах виднейшие представители отечественной философской мысли: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др.; исследователи ее истории, чьи труды стали хрестоматийными: Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский...

Цивилизационный выбор России по-прежнему заслуживает глубокого философского осмысления и обоснования. Беспрецедентное внешнее давление, под которым оказалась страна в последний период, только актуализирует данную задачу. Решение ее мы не должны искать на пути простой реконструкции и воспроизводства решений, предложенных русской философией в начале XX столетия (Соблазн этого достаточно велик, так как страна и мир оказались в принципиально похожем состоянии, а осмысление кризиса начала прошлого века осуществлялось в контексте высшей фазы развития самобытной русской философии).

Мы, конечно, не можем быть свободны от моделей, предложенных авторами «Серебряного века», более того, мы обязаны

учесть их творческий вклад в осмысление проблемы цивилизационного выбора России. Однако современные условия требуют новых вариантов философского обоснования самобытности российского исторического пути. Авторы рубежа XIX–XX вв. наблюдали кризис традиционной культуры, но масштабы его были все еще явно меньшими, нежели в настоящий период времени. Классики русской религиозной философии периода ее расцвета могли еще уповать на ренессанс религиозности, что значительно тяжелее мыслить в современных условиях.

Не лишним будет и напоминание о том, что представители русской религиозно-философской мысли начала XX в., возжелавшие мистических интуиций и сближения с духовенством, не смогли предотвратить масштабный духовный кризис, им осталось только рефлексировать на его тему. Большинство представителей образованного слоя нашей страны оказались приверженцами «богоборческих» философских учений западного образца и транслировали их упрощенные и радикализованные модели в широкие массы, что во многом способствовало революционным катастрофам первых десятилетий XX в.

Необходимость утверждать и обосновывать самобытность российского цивилизационного типа требует в современных условиях поиска адекватного философского инструментария. Продуктивной представляется евразийская модель, к ресурсам которой в последний период времени обращается достаточно большое количество авторов, принадлежащих к различным областям социальной и политической мысли.

Однако и здесь остается больше вопросов, нежели ответов. Перед нами, видимо, стоит задача последовательной и глубокой философской проработки евразийской доктрины, позволяющей устранить произвольные упрощения...

Т.Н. Фролова. Для современной ситуации в мире характерны нестабильность и крайняя напряженность практически во всех сферах жизнедеятельности (политической, экономической, технологической, социальной), если говорить шире – по-

теря единой общечеловеческой перспективы. Россия как часть этого глобального мира стоит перед такими же вызовами.

И выстоять в этом нестабильном мире Российское государство может, лишь сохранив свою цивилизационную идентичность. Вопросы цивилизационного суверенитета России, цивилизационной идентичности, выбор перспективы развития России в контексте современных вызовов и глобальных угроз не единожды рассматривались на заседаниях наших круглых столов. Это объясняется актуальностью проблем и даже их усугублением.

Россия должна осуществлять свое видение глобализационных процессов, основанное на сохранении статуса державы, статуса суверенной цивилизации. Одним из важнейших факторов национальной безопасности в этом контексте является сохранение высших традиционных ценностей и смыслов русского народа, его культурного кода. Эта задача выполнима при условии организации целостного культурного и информационного пространства, направленного как на сбережение традиционных аксиологических принципов, так и на эффективное противодействие агрессивному насаждению современных псевдоценностей, культурной западной экспансии.

В то же время, не стоит абсолютизировать цивилизационную заданность любого народа, в том числе и России. Нежелание трансформироваться, изменяться сообразно новым вызовам приводит цивилизацию к упадку. История знает тому примеры. Сегодня Россия, отстаивая свои цивилизационные ценности, не изолируется от остального мира. Другими словами, без новационной деятельности, так же как и утерев традиции, обеспечить цивилизационный суверенитет сложно.

Сегодня достаточно много говорится о евразийской интеграции, однако этот Союз рассматривается исключительно в экономическом ключе. Евразийство же изначально несло цивилизационное содержание. Современная евразийская идеология могла бы стать концепцией, объединяющей представителей других культур, не желающих быть уничтоженными глобализацией.

Необходимо построение собственной модели цивилизационного развития России, отличной от западного образца. Такой проект в условиях глобального кризиса может быть достойным ответом на возникающие вызовы. Акцент должен быть сделан не только на управленческих и бизнес-эффективных механизмах, но обязательно содержать ценностно-когнитивный компонент, как ключевой фактор цивилизационного суверенитета...

И.В. Лягушкин. Коллеги, хотелось бы несколько слов сказать об одном из недооцененных, на мой взгляд, аспектов идеологической программы выхода из нынешнего кризиса и обоснования адекватных ответов на современные вызовы, на все новые и старые угрозы и возможности, этим кризисом порожденные.

Речь о том, что в предпринимаемых сегодня попытках отказаться от показавшего свою пагубность политического курса на «деидеологизацию», преодолеть идеологический вакуум и сформировать Идею, способную стать основой конструктивного разрешения системного кризиса (при сохранении цивилизационной идентичности), чаще всего игнорируется тот факт, что востребованная политическая идеология должна выражать не только общественное сознание, но и общественное подсознание, *коллективное бессознательное*.

Если вы меня спросите, как обнаружить *политическое бессознательное* и как найти доказательства его существования, то отвечу, что нет ничего проще.

Политическое бессознательное – это невысказанные представления об идеальном общественном устройстве. Они не могут преодолеть лингвистического порога, человек не может их назвать, но они могут быть обнаружены с помощью простой методики. Она не дает полного представления о невысказанных желаниях, но позволяет установить факт их существования и дать их описания по косвенным признакам.

Например, вы даете опрашиваемым задание следующего содержания: «Вы все слышали выражения: “Старая, добрая Англия”, “Прекрасная Франция” или “Страна утренней свежести Корея”. А какова Россия? А какова Россия будущего?».

Предположим, вы получаете ответы: «Вечная Россия» или «Святая Русь». Это означает, что у опрашиваемого политическое сознание структурировано так, что не позволяет выявить, обнаружить, диагностировать наличие у него политического бессознательного, но оно есть, хотя и не имеет возможности и шанса проявиться открыто (такое тоже возможно, но встречается редко, в основном у подготовленных или весьма религиозных личностей).

Теперь предположим, что в характеристике России настоящего респондент указывает «Великая», а в характеристике России будущего указывает «Свободная». Здесь все ясно: человеку не хватает свободы. Интерес представляет различие между характеристиками России настоящего времени и России будущего, причем наибольшую ценность будут представлять именно характеристики России будущего, поскольку будущего еще нет.

Такая методика открывает широкий простор для самых смелых интерпретаций и однозначно доказывает существование индивидуального политического бессознательного. Методики диагностики и интерпретации коллективного политического бессознательного еще предстоит создать. Но вне решения этой задачи и использования полученных результатов – как в теории, так и на практике – вряд ли возможно и благополучное преодоление современного кризиса...

В.Ю. Бельский. Что меня поражает более всего в ситуации с распространением в мире коронавируса и всем, что с этим связано? В том, что за медицинской стороной этой проблемы и нагнетаемым в информационном поле психозом как-то потерялся человек. Причем особенно это касается тех стран, которые всегда кичились своей приверженностью правам и свободам личности.

В очередной раз, и весьма наглядно, проявилось, что западные страны, которые на каждом углу кричат про права человека (как правило, критикуя другие страны) в ситуации, когда возникла угроза для собственного существования, забыли про гражданские свободы и легко идут на любые ограничительные

меры, которые касаются вовсе не здоровья человека, а его прав. К примеру, права на свободное передвижение, на труд, на квалифицированное лечение и добровольный выбор режима этого лечения, а также, что самое важное – на неприкосновенность личной жизни.

Кстати, обоснованию подобных мер, ограничению национальных прав государств, передачи прав управления миром транснациональным корпорациям, посвящена недавно вышедшая и уже успевшая наделать много шума книга президента Всемирного экономического форума в Давосе К.М. Шваба в соавторстве с принцем Уэльским «Четвертая промышленная революция».

Якобы для реализации программы борьбы с ковидом, сегодня по всем странам идет установление систем электронного слежения за людьми, рассматриваются вопросы принудительного (то есть насильственного) тестирования, принудительной же вакцинации населения с возможным использованием разного рода чипов – и все западные правозащитные организации, включая ОБСЕ, молчат. Получается, что вся эта западная идеология, опирающаяся на тезис об абсолюте императива права и свобод человека, – была сплошной демагогией, фикцией.

Я даже не рассматриваю вопрос о том, насколько серьезна охватившая мир пандемия коронавируса. Понятно, что ее характеристики и предполагаемые последствия недостаточны для того, чтобы весь мир погружать в жесткий карантин, а людей превращать в роботов и программируемые устройства. Но допустим даже, что пандемия – реальность. Допустим, что мир столкнулся с опасностью миллионов летальных случаев. Но разве это основание для того, чтобы отменять право человека иметь свое личное пространство, право на невмешательство государства в личную жизнь, право на свободу слова, наконец?

Даже в условиях войны на том же Западе никому (ну разве что только нацистам фашистской Германии) не приходило в голову устраивать тотальную слежку за гражданами и вынашивать планы обустройства из страны большого электронного концлагере-

ря. Но сегодня это воспринимается западными политиками «на ура», а один из идеологов глобального мира Г. Киссинджер недавно вполне оптимистично заявил, что пришло время строить новый поствирусный мировой порядок – но под руководством все того же Запада («города за стеной») и на все той же либеральной доктрине. Разумеется, под либеральной доктриной Киссинджер имеет в виду вовсе не императивы прав и свобод простого человека, социальное государство, механизмы солидарности людей и их духовное бытие. Нет, из его текста видно, что либеральный и как бы «открытый» мир – это мир, в котором правит мировое финансовое правительство, и буквально все, включая человеческую жизнь, продается на рынке.

На самом деле, новый, поствирусный и безопасный мир можно построить отнюдь не на либеральной основе, но на основе ценностного плюрализма и, следовательно, отказа от глобальной доктрины и управляемого универсализма. А для этого важно, чтобы в будущем сформировался реальный многополярный мир как единство многообразного через взаимодействие равновеликих цивилизаций. Но это возможно, я считаю, только в том случае, если земной мир будет антропоцентричен. Если поворота к человеку после коронавирусной встряски не произойдет, мировое сообщество в скором времени столкнется с еще большим катаклизмом, потому что нынешняя либеральная доктрина заточена на все более откровенное лицемерие: провозглашая права и свободы человека, она на самом деле имеет в виду исключительно право денег и силы.

Вот почему важно обращение современных политиков к философии как к науке о человеке и его месте в мире. И вот почему важно, чтобы каждый свой шаг эти политики сверяли с таким понятием, как право человека на достойную жизнь, на его свободный и самостоятельный выбор образа жизни в соответствии с ее естественными основаниями.

Вызывает крайнее сожаление, что и у нас в России многие решения принимаются сегодня чиновниками без учета интересов простых людей. Самоизоляция в условиях пандемии, безус-

ловно, нужна. Но кто подумал всерьез о компенсации людям за вынужденный отказ от работы и заработка? Кто подумал – всерьез и основательно – о тех миллионах представителей малого и среднего бизнеса, который неизбежно разорвется? Кто задумался над тем, к каким последствиям для жизни простого человека приведет, к примеру, введение системы выдачи пропусков на проезд личного транспорта по 20-миллионному городу? Но самое главное: что за логика присутствует в предложениях тех политиков и депутатов, которые предлагают – вслед за западными политиками – тотальную и принудительную вакцинацию населения? Кто дает гарантию безопасности предлагаемых вакцин? Кто во власти дает гарантию того, что внедрение «умных систем» слежения за гражданами не направлено (или не будет направлено в будущем) против их прав и свобод?

Эти вопросы сегодня не обсуждаются ни в СМИ, ни в представительных органах власти (где они и должны обсуждаться), ни в Общественных палатах. И это очень тревожный сигнал...

С.В. Михалев. Жизнь, за прожитые годы, преподносила разные сюрпризы, которые очень ярко показывали контрастный формат человеческого бытия. Ты сам являлся источником жизни (*Слава Богу – не смерти*), ты сам видел становление и гибель идеологических парадигм, меняющих устои жизни поколений. Но, пожалуй, самое достойное личное приобретение в этом контексте – это привитие навыка веры.

Переживаемая пандемия дала нам реальное ощущение бытия. Скорее всего, наглядно показала, в очередной раз, тщетность суетных устремлений человека. Жизнь человека – это один удар его любящего сердца. Будет ли следующий – большой вопрос. В этой связи, мы должны ощущать постоянное, живое общение с Истиной, с Настоящим. Согласитесь, вопрос не в том, кто мы есть, а в том, кем мы будем. В этом отношении вера способна помочь людям в трудной ситуации, дать им надежду на лучшее; но она же может и привести к тяжелым последствиям, если вера фанатична.

Человеку свойственна инертность мышления, которая в обычной жизни является нормальным фактором, но в кризисной ситуации приводит к промедлению с принятием решений. Принципиально важно активнее формировать разумный вектор жизни человека и общества. Уходить от забитых и навязанных стереотипов жизни – *«иметь»*. И больше, безусловно, стремиться *«понимать»* свой смысл и свое предназначение.

Главное в жизни – уметь задавать себе правильные вопросы и *адекватно* отвечать на них *действием*. Жизнь задается деятельностью, а деятельность – смыслом (Истиной)...

Н.Ф. Медушевская. Сегодня, в условиях нарастания мирового кризиса, происходят существенные изменения в политической, экономической и культурной жизни, углубляется дифференциация населения, которая порождает протестные движения и социальные конфликты; в связи с мировой пандемией растет безработица, а следовательно, падает уровень жизни и благосостояния; осложняются экологические и демографические проблемы; возникает социальное напряжение в связи с нерегулируемыми миграционными процессами. В условиях посткапитализма все больше виртуализируются и мистифицируются материальные блага, что приводит к усилению отчуждения человека, потере смысложизненных ценностей и нарастанию депрессивности в социальной жизни.

Естественно, в таких условиях возникают новые идеологемы или лучше сказать мифологемы, которые состоят из убеждений и ценностных ориентаций, усиленно, настойчиво и назойливо навязываемых определенными государственными идеологиями. Таким удобным насаждаемым мифом становится миф о естественных правах человека или миф о равенстве. Распространяется миф о наступлении эры изобилия, когда люди получают возможность пользоваться предлагаемыми материальными благами.

Мифологемы все больше формируют стадность человека, который стремится к удовлетворению материальных желаний при апатичности и равнодушии в социальной жизни. Критерием успешности становится уже не уровень интеллектуального разви-

тия, творческие достижения или степень социальной активности, а количество потребляемых материальных благ. Их стремительное нарастание требует изменений управленческих решений, что, в конечном счете, приводит к усилению формализованности права, бюрократизации всей социальной жизни, превращению человека в объект тотальной манипуляции.

Это находит отражение и в организации образовательного процесса. Усиленно продвигая идею дистанционного образования, многие представители нашей элиты прямо утверждают, что современному обществу нужны послушные, мало знающие люди, для которых вершиной жизненного успеха становится максимальное потребление материальных благ.

Что могло бы стать препятствием на пути усиления зависимости человека от государственных структур – это развитие действенной, а не имитационной, системы местного самоуправления, различных самостоятельных объединений, которые стали бы школой самоуправления, школой свободы и самореализации. Ведь если человек научится управлять собой и внутри своей корпорации, организации, учебного заведения, то он сможет сделать это и на государственном уровне, не устранившись от необходимости принимать ответственные решения.

Во времена горбачевской Перестройки многие стали утверждать, что в России нет демократических традиций, народ привык жить в рабстве, что русские не способны к иным формам государственного устройства, помимо авторитарного. И все же всплески активности стали проявляться и в российском обществе, о чем свидетельствует сопротивление попытке государственного переворота 1991 г. В стране заработал парламент, стали постепенно возникать частные объединения и корпорации.

Особую роль в данных процессах могло бы сыграть здоровое гражданское общество, в котором граждане могли бы самоопределяться и самоорганизовываться без опоры на государство и не уповая на его поддержку...

В.В. Горохова. Наш круглый стол затрагивает темы, интересные и в плане научного осмысления, и в плане преподавания

в высшей школе. Но из проблем, предложенных к обсуждению, я хотела бы особо выделить угрозы, связанные с ролью религии и ее альтернатив в системе вызовов и ответов современного глобального кризиса.

Тенденции мирового развития сегодня явно отражают сложность и невозможность обособленного существования разных культур, традиций. Влияние глобализации, усиление внутренней и внешней миграции, территориальное перераспределение населения и трудовых ресурсов приводят к изменению национального и религиозного состава населения в экономически развитых регионах России.

Право на самоопределение в отношении религии является конституционным правом гражданина Российской Федерации. Религиозное пространство нашей страны представляет сложно организованную картину, что является результатом исторического развития России как многонационального государства, центра цивилизационного взаимодействия Запада и Востока.

Интерес к религии в современном российском обществе показывает, какое воздействие она продолжает оказывать на поведение людей. В последние годы этот интерес перешел из области культуры и образования в политическую плоскость. События последних десятилетий показывают, к каким разрушительным последствиям приводит использование религиозного фактора в качестве идеологической основы для политической борьбы, насколько опасно развитие радикальных религиозных идеологий.

Изменения в структуре конфессионального пространства России демонстрируют, насколько велика потребность человека в приобщении не только к общественной группе, но и к религиозной общности, насколько актуальной остается не только этническая идентичность, но и религиозная. Причем религиозная идентичность может различаться от слабо выраженной до приводящей к фанатизму.

В отличие от национальной или этнической идентичности, которую человек в большинстве случаев получает при рождении и не всегда может выбрать, религиозная идентичность

в большинстве светских государств связана со свободным выбором. В условиях современного демократического общества человек может отказаться от традиционной религии, перейти в другое вероисповедание, или придерживаться принципов атеистического отношения к религии. Поэтому определение религиозной принадлежности вызывает сложности.

В современной России процесс религиозной идентификации связан больше с культурной идентичностью, у большинства россиян сохраняется убеждение, что религия есть часть национального самосознания и культуры. Выполняя важнейшую идентификационную функцию в России, религия является частью общекультурной идентичности. Сохранение и продолжение культурных и мировоззренческих традиций во многом зависит от того, как будет происходить религиозная идентификация будущих поколений.

Только на основе комплексного научного осмысления этих процессов возможно будет поставить заслон проникновению на территорию России радикальных и чуждых для традиций нашего государства идеологий. И от этого в значительной степени зависит возможность противостояния России глобальным угрозам современности...

Н.В. Галанина. К одному из вопросов нашего сегодняшнего Стола, о традициях как факторе национальной безопасности России... Нормальное существование России как социальной системы сопряжено с уравниванием и сохранением ее основных традиций. Нарушение основных системообразующих функций, таких как традиции, в любой стране опасно. Например, поведение, возникающее из-за уклонения индивидов от санкционированных форм взаимодействия, может приводить к социальной патологии, к разрушению структуры общества, к аномии.

Благодаря налаживанию традиционности, российское общество может определить набор целей, к которым должны стремиться граждане, что в свою очередь будет являться руководством к их практической деятельности. Вследствие этого, тра-

диции, вырабатываемые сознанием российской общественности, ориентируют индивида или группы на оптимальный для них вариант бытия, на некое идеальное состояние общества, и предписывают образ действий, долженствующий претворить этот идеал в действительность.

В соответствии с идеалами, обуславливающими традиционные требования и закрепленными в них, гражданин корректирует свои потребности и интересы, свои требования к будущему. Каждая социальная группа вырабатывает свою идеализированную модель лучшего будущего и создает систему норм, призванных регулировать поведение людей в должном направлении.

Так, на стихию разнонаправленных тенденций общественного процесса в России целесообразно применить некий регулирующий и упорядочивающий фактор, например, какую-либо идею, способную скрепить нацию, или экономический план, способный реально обеспечить материальное благополучие граждан и демонстрирующий заманчивые перспективы для россиян.

Так же российское общество на основе традиций должно в идеале уметь и трансформироваться для сохранения состояния равновесия, и быть способным к коллективной выработке, хранению и использованию новой информации. Так как любое общество представляет собой информационную систему, а информация, циркулирующая в обществе, выступающая как устойчивые элементы культуры и используемая в управлении общественными объектами, отношениями и процессами – социальна.

Информация является важным фактором инноваций, так как застрять в традиционности уже в рамках глобальных проблем, для российского общества будет еще более опасно, чем разлом в традициях. В изменяющихся условиях современности некоторые традиции продолжают «по привычке» функционировать и становятся иногда тормозом в реализации новых потребностей и интересов россиян. Причем, в определенных условиях привычность, стереотипность традиционного поведения может охватывать довольно широкий диапазон социальных норм, что приводит к нерациональному развитию данного социального

объединения, а некоторые традиции, опирающиеся не столько на сознательно-логические поиски выбора поведенческого решения, сколько на эмоционально-привычные механизмы стереотипных поведенческих ситуаций уже мешают находить равновесное состояние в социуме.

Примером для россиян в сбалансированности традиций и инноваций может являться Китай, где не рушат традиционный уклад в сфере духовных практик, но при этом достаточно грамотно и быстро внедряют экономические инновации во всех сферах материального производства...

Н.В. Стрелкова. О роли традиций и ценностей в современном российском обществе не раз говорил Президент России В.В. Путин: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддержать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение».

Но мне хотелось бы остановиться на традициях, которые необходимо искоренять, которые не должны мешать людям, работающим в правоохранительной сфере. Ведь без их успешной работы невозможно справиться с угрозами национальной безопасности.

В любом коллективе традиции разной общности и значимости тесно переплетены. Общий нравственно-духовный фон есть результирующая позитивных и негативных традиций. В коллективе с общим отрицательным социально-нравственным фоном всегда есть элементы, стороны, на которые можно опереться в противодействии безнравственности, бездуховности; в коллективе с общим положительным фоном всегда есть моменты, своевременное противодействие которым необходимо, если мы не хотим активации деструктивных сил.

Все сказанное в полной мере относится к коллективу работников правоохранительной сферы, которая особо подвержена корпоративности, профессиональной обособленности. Традиции являются в этой сфере важнейшим каналом включения в служебный коллектив и в освоение готовых форм и способов служебных взаимоотношений, решений. Традиции – «визитная карточка» коллектива. Независимо от их социально-нравственного содержания и значения, они легко осваиваются именно потому, повторим, что на них существует изначально позитивная установка сотрудника. Сотрудник готов и хочет вписаться в коллектив, отвечать его духу. В зависимости от того, что сотрудник считает существенным (и неизбежным) в данном коллективе: интересы дела, благородные товарищеские отношения, высокую социальную активность, обогащение за счет своих полномочий и т.д. – он и будет ассоциировать суть этой существенной деятельности с совокупностью определенных традиций.

Правоохранительные органы – область высококонфликтная, высокорискованная, сложная для реализации духовно-нравственных установок и норм. По этой причине в ней негативные традиции формируются особенно быстро. Они облегчают обособление, так сказать, «корпусуляцию» служебного коллектива. Эти стереотипы, стандартные действия традиционны именно в силу почтительно-морализирующего отношения к ним и настойчивых усилий по их поддержанию.

Негативные традиции в этой сфере есть следствие прежде всего устойчивых деструктурирующих условий, высокой зависимости от обстоятельств, от произвола начальственных предписаний, неустойчивости и недейственности многих законов, отсутствия зрелого гражданского общества. На складывание негативных традиций в области правоохранительных органов в большой мере влияют традиции же размытости и случайности прав личности, установки на незначительность человека.

Общим критерием негативности определенных традиций является или несовместимость их с нравственными и конкрет-

но-профессиональными целями, или неспособность с помощью их поддерживать должный уровень коллективных служебных отношений.

Знание и понимание традиционного пласта деятельности коллектива, профессии – залог понимания их целей, ценностей и установок, не декларируемых и предписываемых сверху, а реальных, порожденных повседневной практикой. Важно правильно оценить сочетание положительных и отрицательных традиций, увидеть, какие из них преобладают в конкретных условиях.

Думается, общим знаменателем традиционного климата конкретных служебных коллективов может быть следующее утверждение: единый социально-нравственный фон воспроизводства профессиональных традиций задается несомненной высокой общественной значимостью и ценностью этой деятельности, сложившимися в течение многих лет нормами самоотверженности, мужества, бескорыстия. Конкретные, даже негативные традиции служебной деятельности реализуются именно в системе общих здоровых, высоконравственных, одухотворенных традиций профессии. Тем самым мы можем с достаточной обоснованностью всегда рассчитывать на успех в деле формирования духовности сотрудников органов внутренних дел. Лишь бы к этому прилагались требуемые усилия.

А без таких усилий все разговоры о выходе из кризиса так и останутся разговорами...

О.В. Париков. Одним из серьезных современных вызовов является стремительное ускорение жизни.

За последние 50 лет в науке и технике создано больше, чем за всю предыдущую историю, – эти слова принадлежат русскому философу К.П. Победоносцеву, и сказаны они еще во 2-й половине XIX в. Безусловно, современный мир ускоряется еще более стремительно. Как следствие, «биологические часы» человека не успевают за ходом прогресса; парадокс: скорости передвижения, мыслительных операций по сравнению с прошлым возрастают, а человек при этом не успевает

жить. В США антидепрессанты и иные стимуляторы становятся привычными спутниками индивида, вовлеченного в стремительный жизненный поток. Химическое насилие над естественными психическими барьерами, безусловно, не проходит бесследно для здоровья. Высокие скорости – непреодолимый барьер для людей старшего поколения, которые перестают соответствовать, выпадают из активной жизни раньше срока.

Еще одна серьезная проблема – отрыв сознания человека от плодов научно-технического прогресса. Постепенное усложнение науки привело к качественному скачку в XXI в.: современный ученый (особенно в области естествознания) перестал понимать результаты своей же научной деятельности, оперирует понятиями, которые невозможно представить (струны, волно-частицы, отрицательная масса), по их собственному признанию, не столько описывают реальность, сколько моделируют ее. Мы превратились в пользователей техники, не понимающих, как она устроена и каков ее принцип действия (крайне некомфортное состояние). Как следствие, малейший технический сбой делает нас беспомощными. Мы не можем устранить неполадки online-связи, мы даже не поймем причину этих неполадок.

Подобная ситуация требует нового подхода к образованию человека. Сегодня очередной качественный технологический виток происходит раз в 5–7 лет. То есть, полученные в учебном заведении знания, умения, навыки начинают устаревать, по сути, сразу же после его окончания. Настрой опираться на эти знания в течение всей жизни не имеет перспектив. Сегодня актуальными становятся принципы «непрерывного образования» или «образования в течение жизни» (они закреплены в правовых документах, регламентирующих образовательную деятельность). Не случайно все большее значение сегодня приобретают различные курсы повышения квалификации и переподготовки. Все настойчивее в сознание внедряется установка быть готовым

в любом возрасте кардинально переориентироваться в своей научной и трудовой деятельности – таковы требования жизни.

Скорее всего, наука будущего – прежде всего, прикладная и технологичная. Современные постмодернистские авторы (А. Бард, Я. Зодерквист) рисуют облик ученого недалекого будущего – люди поверхностные, но смелые и креативные, готовые и способные работать в любой научной отрасли. Одноразовые ученые сообщества будут формироваться в интернете, чтобы выдать научный продукт и на следующий день разойтись.

Современный человек должен сделать саморазвитие и самообразование делом всей жизни. Увы, оборотной стороной подобного подхода станет неизбежная утрата глубины, фундаментальности науки и образования. Во всем этом мельтешении высочайших технологий угадывается пророчество Ф. Фукуямы о конце культурной истории человечества...

Д.В. Шикунов. В развитие темы роли науки и ее адекватности вызовам нынешнего глобального кризиса, особое место, на мой взгляд, следует уделить соотношению естественной и общественной составляющих общей системы научного знания.

Дело в том, что за этой, казалось бы, нехитрой арифметикой скрывается определенный парадокс... Что является первичным: науки, раскрывающие закономерности развития окружающих нас природных явлений, либо науки, изучающие развитие общества? Многие из нас скажут, что здесь нет и не может быть противоречий, это разнопорядковые вещи, и они не стоят внимания. Однако это не совсем так.

Безусловно, современное научное знание зародилось и развивалось в недрах философского осмысления окружающей действительности. Законы Архимеда и Ньютона базировались на философском методе познания. Позднее, в эпоху Нового времени, естественное знание, получившее к этому времени самостоятельность, вырвалось вперед и дало толчок развитию современной индустриальной цивилизации. Новые общественные науки, получившие свою «независимость» начиная

с XIX в., стали обслуживать эту цивилизацию и решать ее проблемы (каждая в своей области).

XX век стал родоначальником междисциплинарного научного знания. Сегодня естественное и гуманитарное знание тесно переплетено. Общественные и естественные науки пользуются схожими методами познания и решают порой одинаковые задачи, продиктованные потребностями развития современного общества. Но в последние годы приходится все чаще слышать упрек от представителей естественных наук, что инертность гуманитарного знания мешает им развиваться, тормозит их.

Последние несколько десятилетий, безусловно, стали по-настоящему прорывными для развития науки. Расшифрован геном человека, физики подошли вплотную к созданию антивещества, математики практически опровергли теорию относительности. Следствием этого должно идти ускоренное развитие прикладного знания. Жизнь вот-вот должна кардинально измениться.

Однако результаты развития естественного знания вступили в противоречие с теми нормами, на которых базируется гуманитарное знание: морально-этическими, социальными, правовыми, политическими. Биологи и медики готовы создать нового человека и вылечить его от всех болезней, робототехники – заменить человека во многих отраслях производства, IT-технологи – помочь человеку с помощью использования искусственного разума. Но общественные и правовые нормы сдерживают подобное развитие по принципу «как бы чего не вышло».

Человечество уже более 60 лет вращается на околоземной орбите и не может шагнуть дальше. Наверное, пришла пора и гуманитариям сделать свой «маленький шаг для человека»...

С.И. Кузьминская. Уважаемые коллеги, уже на протяжении ряда лет мы с вами наблюдаем, как система образования России подвергается различным испытаниям на прочность.

Сегодня к уже привычным проблемам хронического недофинансирования, чудовищной бюрократизации и отсутствия четкого представления о конечных целях образовательного

процесса, добавились и новые вызовы. Они требуют незамедлительной реакции со стороны профессионального педагогического сообщества.

Речь идет, прежде всего, о наметившемся крене в сторону более интенсивного применения онлайн-формата обучения. Частично преодолев чисто технические проблемы, многие образовательные организации столкнулись с проблемами методического характера. В частности, даже весьма приближенный к традиционному занятию формат видеоконференции требует кардинального иного подхода к отбору материала, методов донесения этого материала до аудитории, использования визуальных средств подачи материала, осуществлению контроля, способов взаимодействия с аудиторией и так далее.

Так, работа на камеру или перед камерой требует от преподавателя определенных навыков и мастерства. Будучи технически и психологически не готовыми работать в видеоформате с аудиторией, многие преподаватели выбирают как основное средство взаимодействия так называемый «радиоформат». Между тем, хотелось бы отметить, что, согласно мнению психологов, мимика и язык тела передают значительное количество вспомогательной информации и акцентируют то или иное отношение преподавателя. Иными словами, «радио-формат» все же менее эффективен и требует существенной компенсации за счет активного использования различных визуальных средств. Например, презентации, видеофрагменты, тематически релевантные имиджи, таблицы частично могут компенсировать отсутствие преподавателя на экране и несколько заполнить «радиоэфир». Однако создание такого рода контента опять требует от преподавателя специальных навыков и подготовки. Причем эти навыки состоят не только и не столько в освоении определенного софта. Необходимо четко понимать, какие способы визуального воздействия на аудиторию наиболее эффективны с дидактической точки зрения.

В этой связи, очевидно, что в ближайшие несколько лет можно ожидать глобальную перестройку не только системы образования, но и системы подготовки педагогических кадров...

Г.В. Шашурина. Говоря о вызовах современному образованию, хотелось бы отметить, что в последние годы в нашей стране, действительно, произошли серьезные экономические и политические преобразования, которые, в свою очередь, привели к изменениям в российской образовательной системе.

Наша образовательная система также подвержена кризису, и прежний ее формат не удовлетворяет современным требованиям повышения его качества. Но вместе с тем есть основания утверждать, что определенная динамика развития присутствует, и главную роль в этом играют инновационные технологии, интенсивный информационный поток и различные медиакоммуникации, которые наполняют новым содержанием прежние стандарты и нормативы.

Образовательная система трансформируется, образование становится высокотехнологичным, и только так образование может отвечать вызовам современного общества. Под этими вызовами мы понимаем глобальные проблемы социума, решение которых вызывает значительные затруднения.

Указанные проблемы/вызовы носят разнообразный характер – технологический, административно-управленческий, культурный, социально-экономический, инновационный... Особое внимание, на наш взгляд, следует обратить на так называемый культурный вызов, смысл которого состоит в заимствовании образования. Разделение и противостояние повседневной и элитарной культуры существовали всегда, но с развитием современной массовой культуры происходит ограничение культурной доминанты, что приводит к смешиванию понятий профессионализма и непрофессионализма и явно умаляет престиж образования.

В современном социуме имеет место процесс смены культурных ценностей, в настоящее время его динамика весьма интенсивна, и этот факт также влияет на кризис культуры и образования. В частности, изменяются средства коммуникации, и в миро-

вом общении преобладают языки и традиции стран, наиболее влиятельных в мировом господстве. Это приводит к насаждению чуждых нам ценностей и стереотипов поведения и культуры, введению оценочных нормативов и критериев по западному типу во всей образовательной системе. Духовные ценности, культивируемые современной культурной индустрией, довольно часто оказываются совершенно несовместимыми с традиционными интеллектуальными традициями нашей страны. В особенности это касается молодежной культуры и субкультуры, зачастую ориентированной на примитивизм и насилие.

Россия всегда относилась и относится сегодня к тем странам, культура которых уникальна, бесценна, и способна повлиять на развитие всей мировой цивилизации. Сохранение этой уникальности, поддержание и развитие собственных культурных традиций – в рамках нового общественного вызова эта задача является приоритетной для образования...

А.Л. Золкин. Система образования сегодня действительно сталкивается с новыми вызовами. Эти вызовы множатся день ото дня. И мы должны научиться диагностировать эти вызовы, уметь искать ответы на них, более того, мы должны действовать на опережение. Это возможно, если мы понимаем сущность тех процессов, которые определяют динамику развития современной науки и образования.

Новые вызовы теснейшим образом связаны с появлением цифровых технологий и трансформацией всей гуманитарной сферы современной цивилизации. Кризис российского образования порожден стремлением реформировать советское образовательное пространство на основе болонских стандартов либерального общества, претендующего на глобальную гегемонию. Но это уже вчерашний день, сегодня необходимо искать новые пути.

Сегодня становится ясным, что обществу требуется фундаментальное переосмысление идеи образования как такового. Фактически, не только советская, но и либеральная концепция высшей школы равно устарели, несмотря на свои очевидные

достоинства, поскольку и та, и другая строились как модели обучения, а не образования.

Идея образования, в его отличии от простого обучения, обычно защищалась сторонниками консервативных подходов, влияние которых на высшую школу постоянно уменьшалось. При этом актуальная сегодня цифровая модель школы требует полного отсечения индивида от культурной традиции, которая объявляется архаичной, да и просто ненужной, поскольку препятствует созданию цифровой системы социального контроля.

Двусмысленный характер этой модели виден уже сейчас, когда под разговоры о компьютеризации и искусственном интеллекте происходит унификация информационного пространства, ограничение знаний сведениями из Википедии. Результат оказывается противоположен декларируемому замыслу: социальный конформизм и контролируемая имитация свободы вместо социальной ответственности, принудительная толерантность вместо поиска взаимопонимания, информационное пространство вместо культуры, а как результат – архаизация вместо развития, примитивизация рассудочной деятельности и репродуктивная профессиональная специализация.

Фактически, современная высшая школа отказывается не только от идеи образования и формирования системного мышления, но и от своей функции социализации индивидов. Вместо реализации этой функции и средняя, и высшая школы активно расширяют атмосферу культурного нигилизма, социального скептицизма и антропологического нарциссизма.

В результате, современный молодой человек ни к какому образованию и не стремится, он просто хочет быстрее получить профессию (требующую в своей сути высокого уровня интеллектуального и личностного развития) в облегченном варианте, фактически на общей базе лишь среднего образования.

Но является ли институционализация постнаучной и анти-философской системы обучения *высшим образованием* как таковым? И не следует ли тогда честно сказать, что современные институты и университеты дают в лучшем случае среднее спе-

циальное образование? Не честнее ли тогда переименовать университеты в колледжи и зажить без забот? Если речь идет лишь о подготовке ремесленников, то и дипломы не должны давать никаких социальных возможностей.

А может быть, поступить по-другому? А именно: вернуть в университеты классические традиции высокой интеллектуальной и гуманитарной культуры, но сделать это в рамках соответствующей государственной политики...

А.А. Васечко. На мой взгляд, многие негативные процессы в современном образовании являются закономерными издержками эпохи метамодерна.

Это новое, сформировавшееся в течение последних десятилетий понятие отражает изменившиеся реалии как современного общества в целом, так и индивидуального сознания в частности. Однозначно оценить конкретные результаты этих процессов пока сложно. Единого понимания сущности исторического этапа, следующего «после постмодерна» пока еще не выработано. Ясно одно, что сегодня происходит «перенастройка» мироощущения и мировосприятия человека, трансформация его поведения, меняются все сферы общества.

В связи с этим формируется запрос на обучение и воспитание специалистов с новыми профессиональными навыками, обладающих гибким и критическим мышлением, способностью к оценке и комплексному решению проблем, принятию решений в условиях изменчивости, сложности, хаотичности и неопределенности. Очевидно, что подготовка нового поколения специалистов должна строиться на принципиально новых основах, с учетом стремительного темпа научно-технического прогресса и на волне цифровой революции.

Сегодня встает множество вопросов, касающихся новых условий образования, но ключевым остается главный вопрос – удастся ли современным образовательным технологиям достичь поставленной цели? Отвечает ли сегодняшний специалист требованиям современного общества?

Предполагается, что современные образовательные технологии, сколь бы они ни стремились к достижению поставленной цели, все же имеют свои недостатки. Заметить их можно, лишь проанализировав результат, – фрагментарность усвоения материала. Основной задачей образовательной системы становится «фильтрация» и систематизация знаний, а не следование этой фрагментации. Под фрагментарностью понимается такая характеристика образования, при которой отмечается недостаточность или отсутствие связей между отдельными элементами содержания обучения, отрывочность подлежащих усвоению знаний из различных отраслей науки, разрыв связи между знаниями и умениями их применять. Фрагментарное мышление стало проблемой современного общества, следствием перенасыщенности информационного поля человека и неспособностью человеческого мозга к обработке информационного потока. Какие бы технологические приемы сегодня не использовались в обучении для будущего специалиста, в том числе повсеместное внедрение тестовой модели обучения, нерешенной остается проблема общего видения реальности. Обучающиеся не имеют целостного представления об окружающей действительности, не обладают способностью к генерализации знаний, а приобретают лишь определенные инструкции к действию на случай той или иной ситуации. Человек с таким типом мышления обладает незаконченными выводами, обрывочными конструкциями. Вряд ли обладая обрывочными знаниями, потеряв способность к критическому восприятию и логичному мышлению, специалист сможет решать проблемы фундаментального характера в условиях постоянно изменяющихся реалий. При этом надо понимать, что фрагментарность образования является не единственным негативным последствием современных образовательных технологий, но влечет за собой целый клубок других взаимосвязанных проблем.

В формировании систематизированных целостных знаний о мире важную роль играют дисциплины гуманитарного профиля – история, литература, логика, а в особенности филосо-

фия, выполняющая мировоззренческую, методологическую, гносеологическую, критическую, аксиологическую и иные функции...

К.С. Щелоков. Действительно, мы с вами наблюдаем разворачивающийся глобальный кризис, который, без сомнения, коснется всех сфер жизнедеятельности общества. Однако представляется, что именно экономико-хозяйственная составляющая кризиса является, пожалуй, самой объективной и иллюстративной.

Катастрофические потери экономики в ходе «локдаунов» и пандемических карантинных были буквально «залиты» беспрецедентными денежными вливаниями со стороны центральных банков ведущих стран. За весь 2020 г. в экономику были введены колоссальные 10 трлн долларов США, в то время как, для сравнения, за 100 лет до 2007 г. было введено всего 4 трлн долларов. В результате мы наблюдаем, с одной стороны, рекордную безработицу, остановку ведущих экономик мира и, одновременно, сумасшедшие пузыри на фондовом рынке и рост ничем не обеспеченных платежных цифровых средств, таких как криптовалюта. Адресная поддержка граждан и домохозяйств, государственное субсидирование крупных компаний и отдельных отраслей пострадавших в кризис выливаются в перетекание колоссальных денежных потоков в фондовый рынок и росту спекулятивного безумия. Так, стоимость всего лишь одной высокотехнологичной компании Tesla превышает стоимость всех российских компаний вместе взятых.

Западные страны не только начинают терять свое лидирующее положение в мировой экономике, формируется сам глобальный мировой экономический порядок. По-видимому, система, созданная на Западе почти 500 лет назад и основанная на долгом проценте, колониальном захвате ресурсов и потребительском безумии, приходит к своему финишу и начинает «сыпаться» у нас на глазах. При этом мы наблюдаем судорожные попытки остановить происходящие глобальные изменения пу-

тем «санкционного пресса» и прямых запретов деятельности отдельных компаний. Однако вектор мировой экономики неуклонно смещается на Восток.

Представляется, что в России в эпоху «переформатирования» и «перезагрузки» всего мирового устройства открывается окно возможностей. То, что было всегда недостатком российской экономики: относительно невысокая глобальная вовлеченность, недокредитованность, ресурсная специфика, неразвитость фондового рынка, – станет ее достоинством. В мире будущего «краха пузырей» и «фейковой» экономики именно российский реальный ресурсный сектор является залогом ее устойчивости и стабильного развития.

Грядущая кульминация глобального кризиса, который затмит «Великую депрессию», похоже, уже близка...

А.В. Митин. Тема сегодняшнего круглого стола как никогда актуальна. События наших дней, происходящие в стране и за рубежом, ярко демонстрируют проблемы, вызванные глобализацией. Среди таких проблем необходимо обозначить прежде всего такие, как конфронтация по направлению «Запад – Восток», дальнейшее усиление угрозы термоядерной войны, значительный рост коррупции, расширение террористической деятельности, демографическое развитие, появление более страшных по своей разрушительной силе вирусов, рекордный рост социального неравенства, практически бесконтрольное развитие и освоение киберпространства, активизация и массовое применение новых форм ведения войны – «гибридных войн». Этот минимум перечисленных мной проблем, как и множество других, не обозначенных, воочию показывают результат разобщенности мирового сообщества и его неготовность своевременно реагировать на них.

Неразрешенность и «замораживание» проблем, вызванных глобальным кризисом, дает нам лишь небольшую отсрочку. Действительно, отсутствие консолидации мирового сообщества по их решению может привести к гибели всего человечества.

Как было отмечено, одним из вопросов, вызывающим в наши дни обеспокоенность и тревогу, является проблема расширения «фронтов» и массовость применения «гибридных войн».

Не секрет, что человечество ведет войны на протяжении тысячелетий. Однако, до последнего времени, они представляли собой классическое вооруженное столкновение нескольких государств, с целью захвата территорий с природными ресурсами и порабощения населения, или, как вариант, столкновение противоположных общественно-политических систем.

«Гибридная война» – это несколько иное, отличающееся от классической войны явление. Она включает в себя новейшие методы ведения войны, при использовании которых для захвата и подчинения территории того или иного государства страна-агрессору нет необходимости вводить свои вооруженные силы, что практически исключает ее людские и технические потери. В основе «гибридной войны» применяются информационные, кибернетические и электронные технологии в сочетании с различными экономическими санкциями и деятельностью спецслужб, осуществляется поддержка местных оппозиционных сил, делается опора на терроризм, коррупцию, разжигание этнических конфликтов.

В ходе «гибридных войн» стираются границы, определяющие, война это или одна из форм политического, экономического или идеологического противостояния.

Одна из существенных черт «гибридной войны» – это пренебрежение всеми нормами морали и нравственности. В ней используются самые грязные социальные технологии, в том числе такие, как распространение слухов, ложь, клевета, искажение фактов, фальсификация различных событий истории и др. Эта война втягивает в антагонизм все население планеты и охватывает все сферы общественной жизни.

Используя информационные, кибернетические и электронные технологии, страна-агрессор целенаправленно воздействует информацией (устной, печатной, видео и т.д.) на сознание и эмоционально-волевою сферу людей. Говоря иначе, это борь-

ба сторон за достижение превосходства над противником как в своевременности, достоверности и полноте получения информации, так и в скорости и качестве ее переработки и доведения до исполнителей.

Поле действия информационных войн по своему объему огромно. Прежде всего, оно включает в себя инфраструктуру систем жизнеобеспечения государства, промышленный шпионаж, производство дезинформации, электронное вмешательство в процессы управления военными объектами и системами, вывод из строя сетей военных и гражданских коммуникаций, всемирную компьютерную сеть Интернет и т.д.

На сегодняшний день, из всех перечисленных проблем, вызванных глобализацией, «гибридная война» представляет наиболее актуальную угрозу как международной, так и национальной безопасности России. США и их союзники по НАТО, непосредственно и через страны-сателлиты, усиливают попытки ведения «гибридных войн» в отношении Российской Федерации. Успешно противостоять этому явлению можно лишь при информационном суверенитете, который обеспечит не только сдерживание «гибридных войн», но и их профилактику, а также соответствующий ответ государству-агрессору.

Заканчивая свое выступление, хочется отметить, что глобальный кризис современности затронул все без исключения страны. Решить мировые угрозы возможно лишь сообща, только совместными усилиями мирового сообщества. Россия делает все возможное, чтобы эти проблемы были услышаны, поняты и приняты к совместному решению...

И.А. Кушнарченко. Существуют ли у гибридной войны какие-то правила? Главное правило, по-моему, состоит в отсутствии каких бы то ни было правил.

Не перестаю поражаться мудрости Г.В.Ф. Гегеля и его соратников по диалектическому фронту от античности до наших дней. Хотим мы этого или не хотим, все сущее самоотрицает себя. Не в том смысле, что оно обращается в небытие – оно, самоотрицаясь, обретает иное бытие, подчас весьма неожиданное. Напри-

мер, может полностью поменять содержание, оставив себе лишь привычную комфортную форму. Так недалеко и до своего рода диалектического фатализма, но что поделаешь, если даже вещи, проверенные, казалось бы, тысячелетиями, на твоих глазах изжидают себя, превращаясь в карикатурных монстров.

Я сейчас про демократию, которая для определенных слоев российского общества до сих пор выступает священной коровой, объектом безусловного почитания, но никак не критики. Сам принцип, на первый взгляд, не вызывает сомнений: у кого же быть кратосу, как не у демоса? Технически тоже все продумано – половина электората и еще один человек всегда заведомо правы, а остальные, уж извините, не правы, и если не будут тихонько молчать в углу, то сильно пожалеют. Хотя еще Платон предупреждал, что при демократии нет справедливости, ибо власть достается тем, на кого случайно пал жребий или кто «обнаружил свое расположение к толпе».

Расположения к толпе мы насмотрелись на исходе прошлого века у свердловского харизматика, пока толпа не изнемогла окончательно от обилия этого расположения, подкрепленного танками. Насчет случайности жребия сегодня все нормально – проведена большая работа, случайность сведена к минимуму. А вот то, что в демократическом государстве «наглость будет называть просвещенностью, разнузданность – свободой, распутство – великолепием, бесстыдство – мужеством» – что есть, то есть...

Собственно, демократия сегодня – это уже не гарантия свободы волеизъявления и состязательного равенства в избирательном процессе. Это такой общественно-политический строй, при котором правят демократы, а именно партхозактив Демократической партии США, несущей миру свое вечно живое, единственно верное и потому всесильное учение. Плюрализм мнений, о котором так тревожился другой (ставропольский) реформатор, в принципе имеет место. Современный американский демократ испытывает к земляку-республиканцу (и наоборот) такую личную неприязнь, что просто кушать не может. Но если вдруг по-

лучается, что вместо согласованной на всех уровнях пожилой, но перспективной девушки Х. Клинтон избирается «высочка» Д. Трамп, значит, в отлаженный демократический механизм кто-то залез прямо руками, а это могла быть только Россия.

Хотя если плюрализм хороший, то он может исходить и целиком от одного лица. Когда в 2016 г. жена «высочки Трампа» выступила на съезде республиканской партии в белом платье, журналистка “Philadelphia Inquirer” Э. Веллингтон написала, что белый цвет – это символ расизма. Через несколько дней Х. Клинтон выступила на съезде демократической партии в белом брючном костюме, и белый цвет у той же журналистки оказался уже символом надежды. А потом она же написала, что на самом деле о белом цвете нельзя рассуждать вне контекста. Вроде клиника, а на самом деле завидная множественность смыслов. А неправильные смыслы народу не нужны. Народу нужны правильные смыслы. А значит, возникает необходимость в таком демократическом институте, как цензура.

Вот в отсталой тоталитарной России цензура запрещена Конституцией. Поэтому раскрепощенное «Эхо Москвы» как сеяло, так и будет дальше сеять и разумное, и доброе, и вечное, а вот время жизни симметричного «Эха Вашингтона» будет, видимо, примерно как у бозона Хиггса. Тем временем СМИ в оплоте демократии приобретают все более зримые большевистские черты. Взять хотя бы запрет на YouTube телеканала «Царьград» или заявление обозревателя «Нью-Йорк Таймс» К. Руза о том, что если факты, которые сообщает СМИ, выгодны республиканцам, то читатели таких фактов знать не должны.

Много лет уже гадаю – про какое это «Министерство правды» писал Дж. Оруэлл в романе «1984»? Так и хочется завершить «звериным оскалом самоотрицающей демократии постмодерна»... Или я слишком сгущаю краски?..

С.Р. Аблеев. Уважаемые коллеги! Подводя итоги нашего Стола, хотелось бы отметить, на мой взгляд, главное.

Мы видим, что глобальный кризис, новые геополитические и социально-экономические тенденции на наших глазах ради-

кально меняют старые схемы международных взаимодействий, идеологических ориентаций и торговых альянсов. В этом контексте российский политический класс и культурная элита должны ясно представлять стратегические траектории дальнейшего развития России.

Это очень важный вопрос. От его решения, по моему мнению, зависит не только экономический успех российского государства, но и само его существование как независимого культурного и политического пространства.

Главная геополитическая ошибка либеральных реформаторов конца XX – начала XXI вв. – это явный идеологический и аксиологический дрейф на Запад. Надо признать, что прозападные настроения в России были сильны уже на протяжении трех сотен лет. Исключением явился лишь советский период, в течение которого Советский Союз ощущал себя прогрессивной альтернативой «загнивающего» Западного мира. Тем не менее, в конце прошлого века, после крушения СССР, культурное самосознание российского народа было девальвировано европейскими и американскими ценностями.

Однако наивные ожидания светлого капиталистического будущего обернулись катастрофическими последствиями для экономики, науки, образования, медицины и демографического потенциала России. Мы теперь знаем, что можно выделить целый спектр причин такой ситуации. Однако в их числе немаловажное место занимает стратегическая ошибка в оценке характера отношений Европы и Америки к постсоветской России. Мы с коллегами это уже отмечали в некоторых монографиях и статьях.

Либеральные реформаторы рассчитывали, что им позволят свободно продавать на Западе природные ресурсы, откроют доступ к новым технологиям, интегрируют в мировые бизнес потоки, более того, с ними будут считаться в решении важнейших мировых вопросов. Но это была призрачная иллюзия. Никто в Америке и Европе на самом деле не предполагал рассматривать Россию в качестве равного и полноправного во всех смыслах

партнера. В лучшем случае, она воспринималась как конкурент. В худшем – как стратегический противник.

Так называемая «*политика сдерживания России*» началась вовсе не после «Крымской весны» 2014 г. Она осуществлялась уже в 90-е гг. XX в. и осуществляется до сих пор. Причем сейчас наши так называемые «*западные партнеры*» уже не стесняются и открыто рассматривают Российскую Федерацию как «*соперника*», «*угрозу*» или «*стратегического противника*». Именно такие обороты все чаще звучат в программных выступлениях известных западных лидеров, политических и идеологических доктринах Нового и Старого Света.

Поэтому новая Россия должна верить не в Америку или Европу, но в саму себя – как великую страну с созидательным духовным кодом, талантливым народом, богатыми природными ресурсами, героическим прошлым и пока не раскрытым метаисторическим потенциалом. Многие наши проблемы порождаются все еще инфантильным, недостаточно развитым самосознанием многонационального российского этноса, который никак не осознает свою реальную культурную и цивилизационную автономию.

Вполне очевидно, что эта проблема имеет вовсе не поверхностное (экономическое или политическое), но глубокое мировоззренческое измерение. И ее кардинальное решение однажды сделает Россию не периферийным неполноценным придатком Европы, но влиятельным центром силы восходящей *Евразийской цивилизации* третьего тысячелетия...